

Анатолий Янжула

Река моего детства

Так уж издавна повелось, что люди в основном селятся по берегам рек и речушек. Без воды, как говорится, никуда. А потому почти у каждого из нас есть река его детства. Вот и я не исключение. Река моего детства—Кача.

Речка Кача, которую мы видим сегодня,—жалкое подобие того, что было совсем недавно. И прошло-то всего лет шестьдесят, короткий миг по меркам природы и истории, а вот на тебе—нет реки. Цивилизация, бездумные головы да злые человеческие руки почти высушили когда-то полноводную и чистую реку, в которой можно было купаться, ловить рыбу, полоскать бельё. Трудно в это поверить, но так было.

Мой дед Григорий Пуртов и бабушка Шура, после того как им пришлось сбежать из родной деревни от беспощадного раскулачивания, после долгих мытарств осели в Красноярске, в двухэтажном бараке, в районе города, который так и звался—Кача. Два таких барака стояли на короткой улице Бородина, упирающейся прямо в берег реки (сейчас это место, где стоят дома 20д и 22а по улице Железнодорожников).

Район бандитский, публика проживала разудалая и очень разношёрстная. Крупное и мелкое ворьё, переселенцы из Прибалтики и всякий народ, просто перемешанный войной. Но жили дружно, не ругались по мелочам, делились малым, что было. А нищета порой была просто выпирающая.

Я же был человек на всё лето свободный. У деда возле печки стоял сундук, обитый железными полосками, на это место никто не претендовал, и я мог жить там от школы до школы. Развлечение одно—Кача. С утра, перехватив что было на столе, я с удочками уходил на речку. Никто меня не искал. Бабушка, скорее всего, была уверена, что я никуда не денусь и что если проголодаюсь, то сам приду. Да так оно и было. Весь день я с пацанами купался, ловил пескарей, и вообще—я познавал жизнь. Пацаны там в жизненных вопросах были гораздо опытней. Они учили меня воровать, курить, мазаться, там я узнал, откуда берутся дети, как надо бить, чтобы человек долго не мог встать с земли. Школа была суровая, но... как говорится, не в коня был корм. Ничего ко мне не прилипло, хотя кое-что в жизни потом и пригодилось.

Интересный момент, как Кача научила меня плавать. Научила самым простым способом. Итак, первое купание после весны, смело захожу в воду в том месте, где в прошлом году мне было по пояс, течение подхватывает меня, и я с ужасом осознаю, что дно гораздо глубже, чем было. Орать бесполезно, на реке и близко никого нет, но инстинкт самосохранения вовремя подсказывает, что надо молотить руками и ногами изо всех сил. Что я и стал делать. И понял, что, оказывается, я плыву. Подгрёб к берегу, посидел, подумал, испуг прошёл, и я снова, уже осознанно, полез в воду в том же месте. И снова поплыл. Вот так и плаваю до сих пор.

Иногда к нам приезжал на тележке безногий инвалид. Как его звали, уже не помню. Ног у него вообще не было, и к тележке он пристёгивался от пояса. Весёлый такой парнишка, неунывающий жизнелюб. Мы его отвязывали, раздевали догола, чтобы потом ему в сухом ехать, тащили волоком в воду, брали за руки и полоскали, как полощут бельё. Иногда, в шутку, макали с головой. Он не обижался, орал на всю реку и хохотал.

Вечером с работы приходили мужики и шли мыться на речку. Взрослые рассказы были куда интересней. Мы разжигали костёр, жарили на палочках пойманных за день пескарей. Сидели обычно до темноты, я приходил домой и уже без сил валился на свой сундук. Вот это была жизнь!

Напротив, на том берегу, где сейчас куча всяких автосервисов, стоял небольшой заводик, и назывался он «Химик». Делали там чернила, сапожную ваксу и ещё какую-то дребедень. Скоро его перепрофилировали, и он стал заводом резинотехнических изделий. Делали эти изделия, скорее всего, очень плохо, потому как целыми кучами выбрасывали на берег Качи, захламляя реку. По тому берегу, по-над горой, шла улица с непонятным названием Лассалья. Была она тупиковая и заканчивалась у боковых ворот этого заводика. Для сибирских чалдонов французский философ Лассаль был абсолютно неизвестен, да, скорее всего, и неинтересен, а потому её часто называли по-русски сокращённо и грубовато. То же самое было и с улицей, по которой мы ходили на городской базар. Называлась она улица Каландарашвили, в честь командира партизанского отряда Красной Армии Щетинкина. Ну где тут

выговоришь такое сложное название? Конечно, она была «Карандашвили».

От воспоминаний реки с детства врезалась незабываемая картина. Рядом с мостом новой транспортной развязки, чуть выше по течению, стояла небольшая будка насосной станции кирпичного завода. В этом месте был как раз изгиб русла реки с сильным течением и приличной глубиной. Туда часто приводил купать свою лошадь мужик, вероятно, живущий неподалёку. Лошади нравилась эта процедура, она с удовольствием бухалась в воду и несколько раз переплывала через реку в бурном течении. Проезжая сейчас по тому мосту, смотрю вниз и вспоминаю, что здесь лошадь плыла через реку. Плыла через реку!

Где же та река и та лошадь?..

Не все знают, что русло Качи от бывшего кирпичного завода до моста на Брянской изменено и река на этом участке течёт по новому, искусственному руслу. Когда стали формировать улицу Брянскую, то возникла необходимость сдвинуть часть реки, чтобы улица была без изгибов. Так что часть русла была выкопана заново, а старую засыпали.

Интересное место было под названием «Тридцатые бараки». Часть домов вдоль Брянской идёт под одним номером «30» с разными буквенными индексами. Это в пору правления «Жилфондом» небезызвестным господином Цирюльниковым их привели в божеский вид, подмазав кое-где и разукрасив в разные цвета. Раньше они имели более скромный облик и стояли немного поодаль от рядов частного сектора. Кача в том месте, по старому руслу, делала пологий изгиб, в результате чего образовывалась красивая зелёная поляна с мягкой травой. Этакая зона отдыха, где в жаркие дни загорало и купалось много народа. Позже тот же самый ушлый народ понял, что поляна—это бесплатное пастбище, и развёл гусей. Быстро расплодившиеся гуси так её «заминировали», что и пройти по поляне стало невозможно, не то что загорать.

Как вы думаете, а почему в том районе есть улица Озёрная? А потому, что недалеко от наших барачков в начале пятидесятых годов было два озера. Да, настоящие озёра, куда иногда и утки залетали. Они образовались от боковой протоки реки. Когда этот район стали застраивать небольшими домишками, русло в некоторых местах засыпали, протока остановилась в своём течении,

и образовалось два озера. То, что поменьше, было в районе, где сегодня стоит школа номер двенадцать, а другое, побольше,—примерно в районе расположения двадцать второго дома по улице Железнодорожников. На улице Бородина был деревянный мост через заболоченную бывшую протоку. По большому озеру даже на лодках плавали. Был на нашей улице пацан по кличке Одноглазый Пэн. Глаз он выбил о торчащую проволоку, катаясь по льду. Так вот отец учил его плавать, выбрасывая из лодки на самой середине этого озера. Так и научил. А мост был негласной границей двух районов Качи. Там и на кулачках бились, выясняя кто сильнее, и свидания назначали. Позже с озёрами поступили просто. То, что было поменьше, зимой выморозили и вывезли льдом. А большое озеро просто засыпали.

Где сейчас протянулась широкая улица Железнодорожников, раньше была узенькая грунтовая улица Кузьмина, названная в честь какого-то пролётного большевика. На ней стоял единственный на всю округу магазин под народным названием «Кузьминка». Она не была такой прямой, а изгибалась по межквартальным проездам. По перпендикулярной улице Красной Гвардии протекал ручей, впадающий в Качу. Зимой он не замерзал, и все звали его «Гольфстрим». Со временем ручей спрятали в бетонные трубы и присыпали землёй. На одном из крутых поворотов летним днём опрокинулся большой полуприцеп-цистерна с бензином. Пока разбирались, что делать, бензин протёк на землю, просочился сквозь щели в ручей и потёк радужными узорами в реку. А там вездущие пацаны взяли да подожгли его. Как горит бензин, рассказывать не надо. Рвануло так, что бетонные трубы стало выбрасывать из земли. А в это время на скамеечке возле дома сидели дети. Взрывом одну из них, Олю Битых, сбросило в образовавшуюся канаву, где горел огонь. Девочка постарше, Лида Прушинская, прыгнула за ней в огонь, чтобы спасти её. Обе, с сильными ожогами, погибли. Сейчас одна из улиц названа именем этой смелой девочки. А знаю я эту историю, потому что знал погибшую Олю. Она была дочерью Юры Битых—паренька, жившего в нашем бараке.

Судьба любой реки—в руках людей, живущих на её берегах. К сожалению, люди не всегда ценят то, что подарила им природа. Очень хочется верить, что со временем мы поймём настоящую цену подарку под названием «река Кача».